

Интервью со Светланой Гавриловной КЛИМОВОЙ

«ЭТО БЫЛА ХОРОШАЯ РАБОТА, ЗА КОТОРУЮ СЕГОДНЯ НЕ СТЫДНО»

Климова С. Г. — окончила Московский историко-архивный институт (1969 г.), кандидат философских наук (1982 г.), Основные области научного интереса: социология труда, идентичности, солидарности, методы анализа качественных данных.

Интервью состоялось: январь - март 2017 г.

Светлана Гавриловна Климова — человек известный в советском / российском социологическом сообществе. И это закономерно. Первое. Светлана давно работает в социологии, причем — в весьма кредитных институциях и крепких, профессиональных командах. Второе. Она много сделала в разных предметных и методических нишах социологии и много опубликовала. Можно было бы догадаться, что этим не ограничивается ее роль в нашей науке. И после проведенного с ней интервью и состоявшейся при этом неформальной переписки я убедился в справедливости такой догадки. Светлана Климова сотрудничала со многими представителями старших поколений социологов, и о многих сохранила добрые воспоминания. Она — хранитель уникальной информации о развитии отечественной социологии и готова щедро ей делиться.

Отвечая на мои вопросы, фокусированные на ее жизненном пути, Светлана всегда находила возможность рассказать и о своих коллегах, друзьях. В нашей беседе «ожили» Вадим Ольшанский (1927-2001), Валентин Подмарков (1929-1979), Георгий Щедровицкий (1929-1994), которые много сделали для становления советской социологии, но о творчестве которых, к сожалению, представители новых поколений исследователей могут узнать лишь из их работ, теперь зачастую мало доступных, и скупых строчек истории ряда направлений социологии. Они умерли, когда наше профессиональное сообщество было заметно моложе, не осознавало быстроты хода времени и подлинной значимости в науке многих своих современников. Особенно это справедливо по отношению к В.Г. Подмаркову. Его имя знают многие, но его научная биография ещё не написана. Был упущен момент, когда следовало начинать собирать информацию для создания собственной истории. За последние 10-15 лет в этой области произошли позитивные изменения, но теперь восстановить былое, найти сведения об ученых - активных участниках многих событий в отечественной социологии стало много сложнее.

Для меня стало приятной неожиданностью то, как четко и с какой доброжелательностью Светлана Климова вырисовывает портреты ученых, введших ее в профессию, а по сути – в профессиональную среду. Вспоминая те годы, она пишет: «Можно сказать, что диссертацию я защитила, потому что чувствовала себя обязанной большому числу людей. Я думала, что если я не защищусь, это будет непорядочно по отношению к ним, потому что они на меня надеялись. Они считали своим долгом по отношению к памяти учителя [БД: В.Г Подмаркова] помогать мне, и я должна соответствовать этим их ожиданиям. Станислав Флегонтович [БД: Фролов], как мне кажется, взялся меня опекать, не потому что мои изыскания были как-то особенно ценны, а потому что я – из последних учениц Подмаркова, и негоже оставлять меня на произвол судьбы».

Можно с уверенностью говорить, что уважение и чувство ответственности перед учителями живы в Светлане Климой и сейчас. И хочется надеяться на то, что у нее появится возможность обстоятельно описать свои многолетние наблюдения и рассказать о социологах, с которыми она работала. Это углубит гуманистический характер истории нашей науки, придаст ей большую «человекоцентричность».

Климова С.Г.: «Это была хорошая работа, за которую сегодня не стыдно»

Света, вспоминая своего коллегу и друга Вадима Борисовича Ольшанского, Вы немного рассказали о том, как после окончания в 1969 году Московского государственного историко-архивного института Вы через некоторое время начали заниматься социологией. У меня будет ряд вопросов по тому и следующим периодам Вашей жизни, но сейчас – немного о предшествовавших годах. Не могли бы Вы рассказать о своих родителях и о том, на какую глубину Вы знаете прошлое своей семьи.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения моего отца. По этому поводу я и Ваня, мой сын, собрали довольно большой материал о моей семье и издали книгу об отце и о маме, небольшим тиражом, только для родственников, связи с которыми я старалась поддерживать. Много удалось выяснить и упорядочить, но ещё кое-что остаётся неясным. О маме и её семье я знаю больше, чем о родственниках отца, хотя они родом из одной кубанской станицы – Успенской. Мама, в отличие от отца, была казацкого рода, известного в станице. Я нашла фото прадеда, Тимофея Денисова. Он из какого-то похода привёз жену – турчанку, которая родила ему трёх дочерей, в том числе – мою бабушку – Прасковью Тимофеевну. Все трое были удивительные красавицы, и всех троих я помню. Бабушка вышла замуж за Павла Сергеевича Скорнякова, который был тоже замечен в станице и тоже раскулачен. Мой дядя, мамин брат, запомнил, как местные активисты забирали имущество из их дома. Напоследок один из них оглянулся, увидел горшок с кашей на печке. Вернулся, забрал и его. Так что семья бабушки, которая к тому времени уже родила двоих детей, была обречена. Их посадили в вагон и несколько дней держали под охраной на какой-то станции. Это было весной 1930 года. Но тут вышла статья Сталина «Головокружение от успехов» – о «перегибах» в коллективизации. Местное начальство не знало, что делать, охрану вокруг вагонов сняли тайком и молча. Народ разбежался. Бабушка с дедом и детьми убежали из станицы, уехали в небольшой город в Северной Осетии – Алагир. Там «кулацкая» натура взяла своё. Появились некоторые признаки достатка, детям дали возможность учиться. Но началась война. Деда Павла отправили на фронт воевать на коне против фашистских танков в составе Третьего гвардейского кавалерийского корпуса. Так что воевал он недолго – погиб 27 августа 1942 года. Моя мама тоже успела повоевать. Три года она была на фронте в войсках ПВО. Бабушка после войны перебралась в город Кропоткин, поближе к родной станице. Там на деньги от проданной коровы купила маленький домик.

А мама после демобилизации вышла замуж за парня из своей станицы – Гаврила Фёдоровича Федулова, моего отца. Он, как и все дети бедных родителей, рано ушел служить в армию, потому что армия давала и еду, и одежду, и образование. Его военная служба началась в 1937 году и закончилась в сентябре 1945-го. Воевал в составе 73 Стрелковой дивизии, судьба которой была трагична – она погибала дважды. Во время второй гибели дивизии – в июле 1942 года (у слияния Дона и реки Северский Донец) отец попал в окружение, чудом остался жив и избежал плена. Но не избежал штрафного батальона, где провёл почти год, – невероятно долго. Война закончилась для него в апреле 1945 года в Моравии, когда его, раненого, отправили в Тбилисский госпиталь.

После войны отец окончил курсы мастеров-строителей, преподавал в строительном училище, строил свой дом для семьи. Жили мы всё время моего детства очень скудно. И отец, и мама работали, но всё заработанное тут же отнимали — в уплату за «облигации» — бумаги, которые нельзя было ни вернуть в банк, ни продать. Прокормиться можно было только тем, что вырастили сами на огородах — земельных наделах, которые не закреплялись за семьёй, а давались каждый год на новом месте — далеко, за три-пять километров от города. Туда нужно было топать пешком с тляками и узелком еды в одной руке и ребенком — в другой. Только при Хрущёве, где-то году в 59–60 стали давать «дачи» — земельные наделы, на котором можно было поставить маленький домик. Это было большое счастье, потому что там можно было выращивать не только овощи, но и виноград, фрукты. Это была тяжелая работа, но отец занимался дачей с огромным энтузиазмом. Делались запасы на зиму, которые, как правило, переходили на следующий год. Наличие еды всегда было признаком и символом не только достатка, но и уверенности в будущем, основой ощущения стабильности. Не только в нашей семье, но и у соседей, родственников. И вообще, кажется, этот синдром (иметь еду в доме) очень устойчив. Интересно было бы проверить гипотезу о том, в какой мере сытость, наличие запаса еды и возможность купить еду сейчас, в 2017 году, является основой социального оптимизма. И насколько этот фактор сильнее других (в частности, доверия власти). И через какое число сытых поколений он исчезает, и на его место приходят другие основания для социального оптимизма (например, чувство правовой защищенности).

Мама работала вначале в горисполкоме в Кропоткине, а потом — в библиотеке. Собственно, в этой библиотеке, а ещё в школе и проходила моя социализация. Сейчас это странно представить, но в библиотечном абонементе всегда стояла очередь, а в читальном зале подчас не было свободных мест. Моя подруга — Лариса Бельцер (сейчас она известный культуролог, живёт в Берлине) вспомнила о таком замечательном факте. Её отказывались записывать во взрослую библиотеку, потому что она годами не вышла. Мама походатайствовала, и Лариса наслаждалась чтением «Божественной комедии» Данте. Мои предпочтения были не столь изысканными. Я читала, в основном, современную литературу — Аксёнова, Стругацких, Станислава Лема, Ефремова. Это чтение, будто бы бестолковое и бессистемное, все-таки не было совсем бесполезным, потому что подготовило меня к восприятию в уже взрослой жизни книг с нетрадиционной структурой текста, описывающих другую реальность — Замятина, Хаксли, Оруэлла.

Ещё в школе я научилась быстро писать. Во-первых, потому что я ходила в школе во всевозможные кружки, а каждый кружок издавал газету. Кажется, я писала заметки в газету исторического кружка — о том, что обсуждалось на его заседаниях. Во-вторых, потому что оттепельные времена отменяли то, что написано в учебниках, и добросовестные учительницы — по истории — Валентина Михайловна Тихомирова и по литературе — Любовь Васильевна Титенко — заставляли нас конспектировать то, что они рассказывали. Любовь Васильевна нам рассказывала, в частности, о поэзии Серебряного века. Всю ценность этих лекций я осознала только при поступлении в вуз, когда получила три пятёрки по профильным экзаменам и прошла при довольно большом конкурсе и недоумении приёмной комиссии, когда «в комплекте» с положенным по программе Маяковским стала упоминать Бурлюка, Крученых, Андрея Белого.

Валентина Михайловна заставляла нас учить почти наизусть не только материалы съездов КПСС, но и то, что ни в какие программы «не лезло». Например, какие в дореволюционной России были политические партии, как проходили заседания в Думе, кто с кем конфликтовал и объединялся.

Сейчас странно вспомнить, но в нашей школе каждую субботу проходили тематические вечера, которые устраивали члены кружков — математических, химических, исторических, литературных. Любовь Васильевна Титенко просила принести из дома всякие украшения — фарфоровые или глиняные фигурки, шарфы и полотенца, объясняла, что красиво, что — нет и почему. Было два хора, два драмкружка и два танцевальных кружка — для старших и младших классов. Химики и физики показывали фокусы «с разоблачением». После 20-го съезда КПСС, разоблачения стали проходить и на заседаниях исторического кружка.

Школу закончила в 1964 году. Я не была отличницей. Но «средний балл», если бы его кто-то вздумал посчитать, был бы ближе к 5. Поэтому я чувствовала себя уверенно и полагала, что могу попытаться поступить в технический, естественный или гуманитарный вуз с примерно равными шансами. Но мне тогда казалось (и, наверное, так и было), что в гуманитарной области — в истории, в литературе, происходят какие-то невероятные, эпохальные события. Я читала регулярно журналы, в частности, «Юность» и «Новый мир». Стихи Вознесенского, Рождественского Евтушенко, Окуджавы, Шпаликова мы знали наизусть. Учили и «для себя», и для выступлений на школьных вечерах. Примерно в это время, где-то в 60—63 гг. мама меня познакомила с песнями Юза Алешковского. Примечательно то, что она не считала эти песни «блатными». С самим Алешковским я познакомилась, наверное, в 1976 году в Красной Пахре, где моя подруга Вика Чаликова снимала дачу зимой. Он исполнял свои песни, как обычно, под аккомпанемент спичечного коробка и с интересом слушал мои рассказы о Ваниных проказах. Где-то в начале 70-х вышла его книга «Кыш два портфеля и целая неделя» и он считал себя скорее детским писателем, чем автором лагерных шлягеров. Кажется, он с некоторым недоверием отнёсся к моим словам о том, что я с ранней юности знаю его песни. Но это действительно так. Как они распространились без интернета — непонятно. Можно, конечно, предположить, что их пели на вокзалах бродяги, которым нечего было терять, а публика подавала копеечку и запоминала. Потом пели «своим»: членам шайки, родне, проверенным друзьям.

Но крайне увлекательно было заниматься и историей. После 20-го съезда казалось, что всю историю надо переписывать заново, что в прошлом были совсем другие герои, чем те, о которых нам рассказывали прежде и были невероятные события, о которых никто не знает. Наверное, присутствовала, хотя явно не проговаривалось, мысль о трагичной истории нашей семьи при Советской власти. Поэтому на семейном совете было решено, что я поеду учиться в Москву в Историко-Архивный институт и июле 1964 года я сдала документы в этот вуз.

Вступительные экзамены по истории у меня принимал профессор Иван Архипович Кудрявцев с каким-то аспирантом. Между ними возник спор, ставить ли мне четверку или пятёрку из-за того, что я нечетко изложила разницу во взглядах Лаврова, Ткачева и Бакунина. Иван Архипович настоял на пятёрке, и я прошла.

Я думаю, так совпало, что мои не ортодоксальные знания привлекли внимание не ортодоксальных преподавателей, которых в институте тогда было много. Руководил институтом Леонид Алексеевич Никифоров, крупнейший в России специалист по истории внешней политики России. Его уволили из института в 1968 году, за год до

моего окончания курса. Это был первый, но, как оказалось впоследствии, не последний разгон властью сообщества незаурядных, талантливых людей, косвенной жертвой которого я оказывалась. При сменщике Л. А. Никифорова, С. И. Мурашове, которого прислали для борьбы с вольномыслием, институт покинули многие замечательные учёные, на лекции и семинары которых приходил даже народ «с улицы». По данным В.П. Козлова, ушедших преподавателей — добровольно и не очень — было 50 человек (<http://new.rusarchives.ru/publication/bifurcation.shtml>). Институт превратился во второразрядный вуз.

На кафедре источниковедения работали Александр Александрович Зимин и Сигурд Оттович Шмидт, Ольга Ивановна Медушевская, Александра Тимофеевна Николаева, Моисей Наумович Черноморский. Это была самая сильная кафедра в институте. К тому времени, когда мне нужно было выбирать тему диплома, у меня прошло недоумение от того, что я поступила, и появилось честолюбие. Поэтому я писала диплом на этой кафедре. После кропотливой работы с революционными газетами мне уже не был страшен никакой контент-анализ и вообще аналитическая работа с текстами. Это мне очень пригодилось потом, когда я стала сотрудничать с Фондом «Общественное мнение» и работала с материалами фокус-групп и интервью.

Интересна история Вашей семьи, и приятно узнать, что и Иван, с которым я давно знаком, участвовал в работе над книгой по истории семьи. А что, Света, Ваш город был назван в честь князя Петра Кропоткина? Если это так, то в силу каких обстоятельств? Не было ли Вам трудно после небольшого кубанского города осваивать Москву?

Собственно, ответа на вопрос о том, откуда взялось такое странное для большевистской России название для города — Кропоткин, у меня до сих пор нет. Мои попытки выяснить это не увенчались успехом. Я не знаю даже, кем был хороший человек — председатель исполкома хутора Романовский Глухих, который предложил это название. Не знаю даже имени-отчества этого Глухих. Возможно, он был тайным анархистом. А невежественные большевистские начальники в Губисполкоме утвердили название, удовольствовавшись тем, что тов. Глухих объяснил им, что этот Кропоткин — революционер. Впрочем, в Москве есть станция метро Кропоткинская. Видимо, это было какое-то системное мнение большевистской верхушки считать Кропоткина своим.

Интересно, что город Кропоткин часто упоминается сейчас в воспоминаниях всяких незаурядных людей, которые учились в школах города примерно в моё время или пятью годами раньше либо позже. В одно время со мной в Москве училось очень много ребят и девушек из нашего города — в консерватории, в университете, в престижных вузах типа МИФИ и МФТИ. Наверное, Кропоткин было такое место — довольно далеко от всякого начальства, но хорошее для жизни, с хорошим сообщением со столицами и с курортами. Поэтому учителя были тоже хорошие.

«Осваивать» Москву было не трудно, потому что я смогла с крестьянской практичностью выбрать направления освоения. Я не стала конкурировать с девочками из «не простых» семей в направлении: рок-н-ролл, белые лайковые перчатки, шубка, американские джинсы, «выпить кофе в «Метрополе». Как-то смогла убедить себя в том, что мне это не нужно. Другие возможности для общения со сверстниками, не менее интересные, открывались в других местах: Клуб студенческой песни, Клуб Туристов на Садово-Кудринской напротив музея Чехова, штормовка, байдарка, лес,

костёр, песни хором под гитару. Там было неважно, кто твои родители, потому что кеды, даже если они были из Канады, оставались всё-таки кедами. Это была школа социальной интеграции и трансляции культуры — пели хорошую литературу, ставшую сейчас классикой: стихи Юнны Мориц, Новеллы Матвеевой, Юрия Визбора и т.д. Помню творческий вечер Юлия Кима у нас в институте, когда народ, и местный, и пришлый, чуть не разнес старинные стены в желании видеть и слышать своего кумира. Отсюда — два шага до всяческой подпольной литературы и соответственно, от включенности в сообщества, так или иначе связанные с её размножением, распространением, обсуждением. Кто-то из выпускников, покидавших общежитие, подарил мне старенькую пишущую машинку. Значит, можно было перепечатать, если не всего «доктора Живаго», но хотя бы стихи из этой книги. Это было, как я сейчас понимаю, выходом за границы довольно-таки маргинального общежитского быта. Двумя годами позже меня в институте учила Ирина Якир. Мы немного общались, и, в частности, по поводу всяческого самиздата. Я помню её удивительно мягкую, спокойную красоту и статью. Но «профессиональной революционеркой» я не стала. Как-то было не то что страшно, но не очень интересно. В архивах можно было найти гораздо более интересные вещи, чем в самиздатских «Хрониках».

Библиотеки и архивы были ещё одним вектором освоения Москвы. В архивы можно было попасть запросто. Нужно было только взять бумажку у секретаря ректора, что мне нужно работать в Архиве древних актов, чтобы написать курсовую работу. И приходи, заказывай, что хочешь в читальном зале. Было интересно. В Архиве Октябрьской революции я читала подлинники дневников Григория Распутина, написанные крупными неумелыми буквами, но живым, выразительным слогом. Читала и бездарно-заполненные документы революционеров — большевистских чиновников. Как-то меня всё это больше разочаровывало, чем вдохновляло. На пятом курсе, когда ушли ведущие преподаватели, дошло до того, что нам заново прочли курс Истории КПСС, чтобы «неправильные» установки сменились у нас на «правильные».

«Осваивать» Москву было не трудно ещё по одной причине. Была какая-то невероятная, по сегодняшним меркам, открытость людей друг другу. Фильм Марлена Хуциева «Июльский дождь» — это история много о чём, но в том числе и об атмосфере второй половины 60-х. О том, что дождь смыл старую грязь и пыль, что нужно начинать жить иначе, и иначе — это так: знакомиться, экспериментировать со своим стилем жизни, осмеливаться искать альтернативы, если выбор разочаровал. У меня было очень много друзей, приятелей. Москва — город невероятных возможностей для всяческих знакомств. Нужно только не лениться их поддерживать. Обычные для студенческого общения места — аудитории и общежитие — у меня дополнялись контактами со школьными приятелями и подружками. Обмен и обсуждение самиздата — отдельная тусовка. Турпоходы и слеты самодеятельной песни — тоже интереснейшее времяпрепровождение. Со многими друзьями юности я поддерживаю отношения до сих пор.

Разгон института и сопутствующие мрачные времена отвратили меня от занятий историей. На последнем курсе институт покинули многие любимые преподаватели. Я была разочарована, и не понимала, что мне делать.

«Разгон института и сопутствующие мрачные времена...». Света, что это за история? Пожалуйста, поясните парой предложений...

Парой предложений, наверное, не получится, но постараюсь покороче. Я уже упоминала, что в 1968 году был уволен ректор института Л. А. Никифоров. Уволен, на самом деле, закономерно, несмотря на свою дипломатическую осторожность. Для этого были объективные основания. Во-первых, в преподавательскую традицию в институте, и не только на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, входил подробный анализ источников. Буквально с первого курса, в каждой курсовой работе и по любой дисциплине нужно было давать критику источников. Именно источников, т.е. документов, а не только литературы. Нужна была именно критика, т.е. обоснование своего мнения о том, где можно верить источнику, а где — нельзя; где можно доверять, но с осторожностью. Это было обязательным элементом работы, без него работа просто не принималась. Естественно, что такое требование не могло не формировать установку на базовое сомнение и соответствующие настроения. Поэтому совсем не случайно, что именно кафедра источниковедения понесла наибольшие потери. В 1976 году С. И. Мурашов (который заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в техническом вузе!), пришедший на место Л. А. Никифорова, был уволен. Говорят, что новый ректор пытался вернуть в вуз ушедших преподавателей. Не знаю, насколько успешно. Ведь ломать — не строить. Уничтожить то, что создавалось десятилетиями, а то и столетиями, можно в считанные дни. Тем более, что были сделаны институциональные новшества. Факультет историко-архивоведения переименован в факультет архивного дела. Это означало превращение профессии в сугубо техническую, не предполагающую работы с содержанием.

Во-вторых. Ещё одним основанием было действительно заметное присутствие в институте актуальных и потенциальных диссидентов. Ирину Якир выгнали из института, не дав ей закончить курса. Учились в институте и Пётр Якир, Юрий Галансков, Александр Ильич Гинзбург.

В-третьих. Состав студентов института, действительно «не отражал социальную структуру общества», не был рабоче-крестьянским. По моим воспоминаниям, он не был очень «элитарным» в смысле родительских должностей студентов, но был вполне таковым, если иметь в виду практически полное отсутствие «рабоче-крестьянских» кадров. На нашем курсе я помню только одного талантливого мальчика из села, которому было очень трудно учиться, и за которого мы бегали к ректору просить о материальной помощи. Ему стали как-то помогать из профсоюзных денег, но он всё равно он вынужден был перейти на заочное отделение.

... ну вот, только представил костер и гитару, зашел с Вами в архивы, а Вы песню оборвали... ладно, может вернемся к этой теме или она сама заявит о себе... Институт закончен, что дальше? У вас было распределение? Или самой надо было искать работу?

На последнем курсе института я вышла замуж, и вопросы семейного обустройства на некоторое время отодвинули на второй план другие интересы, в том числе и профессиональные. Поэтому, когда на распределении мне предложили заниматься оптимизацией документооборота в отраслевом НИИ для целей, связанных с «автоматизацией систем управления», я радостно согласилась, хотя не понимала, что это такое и как я буду «оптимизировать» этот документооборот. Институт я закончила в 1969 году, в 1970 году родился сын, и я не выходила на работу столько, сколько могла. Первый год — потому что был положенный отпуск, а потом — потому что гуманный педиатр продлевал больничный из-за детских хворей на максимально возможные сроки. От всего этого я пришла в себя где-то в 1974—1975 годах. Наверное, это время

можно считать началом моей профессиональной биографии. Нужно было понять, чем я могу заниматься, чем мне интересно заниматься, и какие для всего этого есть институциональные возможности. Между походами к педиатру я сдала в своём отраслевом НИИ кандидатский экзамен по иностранному языку и нужно было понять, где сдавать всё остальное. Тут мне на помощь пришла моя подруга Лариса. Она бывала у меня и, естественно, я обсуждала с ней не только моду и политику, но и мою профессионализацию. В это время она уже училась в аспирантуре философского факультета МГУ и рассказала мне, что на факультете есть кафедра методики конкретных социальных исследований. Эта кафедра – место, где работают всякие интересные люди, в том числе Галина Михайловна Андреева и Валентин Георгиевич Подмарков. Факультет был замечательным местом, потому что на занятия мог прийти любой человек с улицы. Я воспользовалась этой возможностью и попросила Валентина Георгиевича разрешения посещать его лекции. Он немного удивился, но разрешил. В 1974–1975 г.г. я ходила аккуратно на его лекции, за это время умудрилась написать вступительный реферат и осенью 1975 года поступила в заочную аспирантуру философского факультета на кафедру Методики конкретных социологических исследований к В. Г. Подмаркову. Я не помню, о чем был этот реферат, но книжек в то время я действительно читала много, преимущественно в ГПНТБ, библиотеке в здании Политехнического музея.

Во время моей учёбы в аспирантуре, в 1977 г. на отделении научного коммунизма, была введена специальность «прикладная социология». По этой специальности я и сдавала кандидатские экзамены, писала диссертационную работу по теме «Трудовая мобильность на предприятии». Но в 1979 году умер Валентин Георгиевич. Сразу же сектор социального планирования в Институте Экономического планирования города Москвы, которым он заведовал, и где я работала два года (1978–1979) расформировали. Я чувствовала себя неприкаянной и никому не нужной. Никакую диссертацию защищать не хотелось. Но состояние это продолжалось недолго. Коллеги и друзья Валентина Георгиевича время от времени звонили мне и интересовались моими делами и планами. Особым упорством отличались Эдуард Николаевич Фетисов и Владимир Петрович Хатунцев. Кто-то из них (сейчас не помню, кто) попросил Станислава Флегонтовича Фролова быть моим научным руководителем. Но всю подготовительную работу по диссертации помогал мне вести Хатунцев, за что ему моя большая пожизненная благодарность. Он читал очередной кусок, что-то правил, и говорил: «приходи через две недели, такого-то числа». Эмпирическим материалом для исследования были карьеры работников Первого Московского часового завода, куда я ходила, как на работу, и где меня привечали в социологической лаборатории, расформированной, к большому моему сожалению, в годы перестройки. Но, как говорится, «снявши голову по волосам не плачут». И сам завод прекратил вскоре своё существование. Я ещё следила за героической борьбой профсоюза Первого МЧЗ за сохранение завода в 90-е годы. Горячо мы обсуждали с ними способы противостояния, сочиняли листовки, призывали на помощь юристов. Но, увы, «против лома нет приёма». Оборудование продали, часы и хронометры теперь выпускают в других местах.

Можно сказать, что диссертацию я защитила, потому что чувствовала себя обязанной большому числу людей. Я думала, что если я не защищусь, это будет непорядочно по отношению к ним, потому что они на меня надеялись. Они считали своим долгом по отношению к памяти учителя помогать мне, и я должна соответ-

ствовать этим их ожиданиям. Станислав Флегонтович, как мне кажется, взялся меня опекать, не потому что мои изыскания были как-то особенно ценны, а потому что я — из последних учениц Подмаркова, и негоже оставлять меня на произвол судьбы. Я защитилась на Философском факультете МГУ в 1982 году, несколько позже положенного, но очень легко.

После моей защиты все обратили внимание на последнего аспиранта Подмаркова — Колю Фёдорова. И тут уж я взяла на себя роль погонялы и советчика. Овсей Ирмович Шкаратан согласился быть его научным руководителем, и Коля защитился в Институте Социологии АН 1986 году, через четыре года после меня.

Света, не могли бы Вы немного рассказать о Валентине Георгиевиче Подмаркове? К сожалению, его имя уже сейчас помнят немногие, а со временем оно может забыться вовсе, что совершенно несправедливо. Он по праву может считаться одним из «отцов-основателей» современной российской социологии.

К сожалению, написано о нём очень мало. Есть небольшая заметка Ж. С. Тростановского в журнале «Социологические исследования» (2001, №6, с. 121—122). Из этой заметки следует, что Валентин Георгиевич харьковчанин, родился 27 мая 1929 г. а умер 23 февраля 1979 г. Прожил всего 50 лет, а сделал потрясающе много. Есть вступительная статья Ж. Т. Тощенко к книге Подмаркова «Человек в трудовом коллективе», вышедшей в 1982 г., после смерти автора. Я позволю себе кратко пересказать то, что написал Жан Терентьевич, чтобы напомнить читателю заслуги Подмаркова. Ещё в начале 60-х годов Валентин Георгиевич создал социологическую лабораторию в Московском инженерно-экономическом институте (Сейчас — Московский государственный университет управления). Эта лаборатория стала местом, куда мог прийти любой, кому были интересны темы социологии труда. И со всеми он делился и наработками, и советом, и просто добрым словом.

От себя могу добавить, что тот же стиль работы был и в Институте Москвы. В нашей комнате постоянно появлялись разные интересные люди из разных городов. Из Ленинграда приезжал скромный и обаятельный Борис Иванович Максимов; из Самары — четкий и выразительный Будимир Гвидонович Тукумцев (1 января 2017 года многочисленные друзья, родственники и коллеги отметили его юбилей — 90 лет). Из Уфы приезжал суховатый и обстоятельный Нариман Абдрахманович Аитов, который как раз в этот период тоже занимался темой территориального социального планирования. Бывал у нас и Юрий Евгеньевич Волков, который, кажется, в это время уже переехал в Москву. Стол Подмаркова стоял в общей комнате, и нужно было только вовремя включать уши, чтобы узнавать массу интересных сведений обо всём — начиная от правильной формулировки вопроса в анкете и кончая событиями на Пермском телефонном заводе. Кажется, в это время там работал Владимир Исакович Герчиков. Работы Владимира Исаковича на долгое время стали образцовыми для многих заводских социологов, и он, как было принято в этом сообществе, всегда охотно делился своими наработками.

В 1973 году вышла книга Подмаркова «Введение в промышленную социологию». Чем она отличается от замечательных, новаторских книг В. Ядова и А. Здравомыслова, О. И. Шкаратана, Н. И. Лапина, Ж. Т. Тощенко и других ученых, посвященных проблемам труда? Тем, что она была менее академичной и более ориентированной на довольно большой круг прикладных задач промышленной социологии, и, в частности, на задачи социального планирования. Это был колос-

сальный труд — в сжатом виде обозначить основную проблематику работы социолога на предприятии, способы анализа этих проблем и возможные пути их решения. Эта книга стала повседневным справочным пособием для многих поколений социологов. И она же положила начало гуманистической установке всех социологов, работающих с темой труда: считать работника не пассивным объектом управленческих манипуляций, а равноправным субъектом трудовых отношений. Недаром в этой книге довольно много говорится о мотивации и удовлетворенности; коллективистских ценностях, карьере и нерабочем времени. Честно говоря, меня удивляют ставшие расхожими утверждения, что мотивацию и удовлетворенность не нужно анализировать, потому что они не влияют на производительность труда. Можно подумать, что люди работают только для того, чтобы увеличивать производительность труда. Наверное, нынешним владельцам предприятий удобно, чтобы это утверждение стало аксиомой. Но я не думаю, что нужно на это вестись, тем более добровольно.

Эта же гуманистическая традиция сохранена в книге, вышедшей уже после смерти Валентина Георгиевича, в 1982 году, «Человек в трудовом коллективе». Она появилась благодаря большой работе Ж. Т. Тощенко, Э. Н. Фетисова и А. С. Фриша. Здесь, в частности, есть специальная глава: «Цели производства и развитие личности работника», в которой речь идет о том, что процесс производства не должен противоречить общественным интересам как в широком смысле, так и конкретным интересам работников и жителей того места, где расположено предприятие. Вне контекста и в сжатом виде это утверждение кажется банальностью, но тогда соотношение производственных и социальных целей служило предметом жарких дебатов. Остаются актуальными они и сейчас. Особенно острыми эти проблемы выглядят на тех предприятиях, где ради максимизации прибыли владельцы отказались от всех социальных служб. Поэтому работники вынуждены нести на работу свёрток с бутербродом, и не могут получить медицинскую помощь даже в экстренной ситуации.

После защиты кандидатской диссертации Вы продолжили заниматься социологией труда или стали работать по другому направлению?

Кандидатскую диссертацию по теме «Оптимизация мобильности в сфере управленческого труда на промышленном предприятии» я защитила в 1981 году, уже после смерти Валентина Георгиевича. В это время (в 1979 г.) сектор социального планирования в Институте Москвы уже закрыли. Меня взяли в НИИ Общей и педагогической психологии Академии педагогических наук. Там я проработала до 1986 года. Попала я туда благодаря Вадиму Борисовичу Ольшанскому, который бывал на конференциях, посвященных социальным проблемам труда. Ольшанский заходил к Валентину Георгиевичу и по другим делам, благо от Большой Никитской до улицы Немировича-Данченко было рукой подать. Во время этих визитов мы и познакомились. Когда закрыли отдел Подмаркова, сотрудники, в том числе и я, быстро нашли другую работу. Репутационный капитал Валентина Георгиевича стал и нашим капиталом.

Первое время я трудилась в лаборатории, которую возглавлял Андрей Иванович Прохоров, замечательный человек и большой друг Ольшанского. Тематика этой работы была даже ближе к тому, чем я занималась сразу после института — социально-психологические проблемы внедрения и использования автоматизированных систем управления. Но вскоре я стала работать непосредственно «в группе Ольшанского»,

и эта работа достойна того, чтобы быть включенной в историю российской социологии и в мою профессиональную биографию, поскольку я участвовала в этой работе. Причин для этого, по крайней мере, три.

Первая. В официально утвержденной теме: «Социально-психологические проблемы подросткового пьянства» Вадим Борисович старался включать в концептуальную схему, и соответственно, в последующий анализ, три уровня: социетальный, социально-психологический и личностный. За это Ольшанскому сильно доставалось на обсуждениях, где психологи упрекали его в том, что он нарушает предметные границы. А он всю жизнь пытался предьявить обществу пути решения проблемы, а не соблюдать границы. Эта мировоззренческая и ценностная позиция была близка и Валентину Георгиевичу Подмаркову. Он, размышляя о проблемах социального планирования, тоже неизбежно должен был заходить за разнообразные предметные границы: правовые, технико-технологические, экономические, психологические. Интересно, что тема предметных границ актуальна и сейчас. Когда я делилась с коллегами своим беспокойством по поводу того, что вклад Подмаркова в отечественную социологию труда остаётся недооцененным, мне подчас говорили: «Но вроде он экономист, а не социолог». Интересно, что и Владимир Александрович Ядов, который высоко ценил эту работу Ольшанского, в своих исследованиях тоже мало задумывался о предметных границах. В тех проектах, которыми Ядов руководил в Институте социологии, практически всегда использовались и психологические методики, и традиционно социологические инструменты. Для анализа контекста проблемы мы всегда должны были изучать самые разные документы: статистики, экономический анализ, и пр. Но об этом ниже.

Второе. Я участвовала в создании оригинальной методики. И это была не просто методика – список вопросов или, в нашем случае, стимульных предложений. Это была настоящая методика – проективная процедура, имеющая хорошую традицию в психологии и социальной психологии. Чем отличается настоящая методика от её имитации? Тем, что соблюдаются все стандарты – концептуальные и процедурные. К концептуальным основаниям можно отнести, в частности, требование вызывать реакции, эксплицирующие неосознаваемые, но значимые для человека области переживаний и поведения. Одно время пошла мода на использование открытых вопросов и неоконченных предложений. Казалось, что это легко. Написал начало предложения: «России нужно вступить в ВТО, потому что...». И все дела. Дальше пусть респондент мучается. И зачем думать о том, что между ВТО и «неосознаваемой, но значимой» для тёти Маши из Армавира областью переживаний – дистанция огромного размера. Теоретически «неосознаваемых, но значимых переживаний» и способов их выражения может быть неограниченное количество. Их надо сводить к некоторому обозримому и потому ограниченному числу. Значит, надо объединять похожие реакции. По какому критерию они должны быть похожими? По ценностным основаниям, т.е. здесь должен работать критерий значимости для респондента. А откуда мы знаем, что значимо для респондента? Мы это узнаем, если мобилизуем для группировки реакций самих респондентов. Не буквально конечно. Можно позвать людей из той же среды, где проходило исследование. А почему они придут? Потому что у того, кто позвал, есть личностный статус и научный авторитет. Вот так оно и шло. Методика В.Б. Ольшанского «Четырнадцать неоконченных предложений» должна была соответствовать классическим стандартам, по которым делаются психологические тесты. Мы проводили все проверки: на устойчивость, валидность, надёжность. Психологи

«старой» школы были весьма строги на этот счет. Мы пытались согласовать реакции респондентов с данными, полученным по другим тестам – Кэттела, ММРІ, и пр. Но личностные корреляты реакций на неоконченные предложения не были найдены. Это значит, что реакции имели сильное нормативное влияние. Ольшанский хотел понять, как конструируются, транслируются и трансформируются нормативные предписания в ситуации повседневности. Мы изучали обоснования – апелляции к ожиданиям других людей, к норме. Апелляция к норме неявно присутствует даже в формулировках предложений: в каждом содержится неявное обобщение. Настроение портится «всякий раз», люди добры «до тех пор», «(всегда) чтобы понравиться, надо». Это обобщение задается культурной нормой, и всякий случай ее нарушения требует специального объяснения. Например, в предложении «Я понимаю, если человек пьет, когда/...» предполагалось, что слово «/пьет» не всегда вызовет алкогольные ассоциации, но в случае их наличия «понимание» факта употребления алкоголя будет обосновываться апелляциями к групповым нормам: «в меру», «в праздник», «когда есть что выпить», «когда горе».

Третье. Результаты получились очень интересные и важные. Здесь не место их перечислять, но скажу, например, что группы сильно различались по наличию и знаку эмоционального компонента высказываний. Структура обыденных значений сильно менялась не только в социальном пространстве, но и во времени. В частности, за десять лет (1980–1983 гг. и 1993–1994 гг.) сильно поменялись представления о стратегии успеха. Меньше всего изменились представления об условиях счастливого брака и структура обоснований употребления алкоголя. Высказывания дивным образом сохранили контекст. Даже мне сейчас трудно понять пафос окончания предложения: «Люди в нашем городе делятся на ... .. «граждан в сером, серых граждан, и небольшое количество ГРАЖДАН».

Я проработала в НИИ ОПП до 1986 года, когда Вадим Борисович Ольшанский был уволен вместе с другими замечательными учеными – Василием Васильевичем Давыдовым, Георгием Петровичем Щедровицким, Владимиром Соломоновичем Библером и другими. Это был второй удар такого рода в моей профессиональной биографии.

Но я пострадала не так сильно, во-первых, потому что была ещё молода, и во-вторых потому что, как и прежде, я не была безработной ни одного дня. Меня приняли в Институт социологии РАН, в сектор социологии девиантного поведения, которым руководил тогда профессор Борис Михайлович Левин. Он бывал на семинарах Ольшанского, и, конечно, познакомился с его сотрудниками, в том числе и со мной.

Вадиму Борисовичу пришлось хуже. Во-первых, потому что он понимал, что у него не будет другого такого проекта. Во-вторых, потому что он сильно заболел, в том числе и из-за негативных эмоций. Болезнь совпала с «лихими девяностыми», когда подолгу не платили зарплату. Призрак апокалипсиса приобретал зримые черты в виде барахолок с рядами женщин со следами бедности и недоедания, отчаянно желающими продать хоть что-нибудь.

Был бы Вам весьма благодарен, Света, если бы Вы поделились воспоминаниями о Г. П. Щедровицком.

Вы, Борис, как всегда, очень точно понимаете, какой вопрос задать. По своей воле я никогда бы не рассказывала о Г. П. Щедровицком, потому что с ним у меня связаны воспоминания о моей профессиональной неудаче. Если коротко: я не смогла его понять. Я очень старалась. Более того, мой тогдашний начальник Андрей Иванович Прохоров поручил мне его понять и, по возможности, овладеть его технологией организационно-деятельностных игр (ОДИ). Идея Прохорова была в том, чтобы помочь Георгию Петровичу создать отчуждаемую технологию проведения ОДИ такого уровня детализации, который есть у нынешних управленческих тренеров, работающих по западным методикам. Прохоров со всегдашней военной четкостью сформулировал задачу: «нужна отчуждаемая методика». Я даже одно время усердно посещала его семинары, которые проходили на первом этаже здания института на Никитской улице, напротив Консерватории. Я и участвовала пару раз в этих ОДИ. В своё оправдание должна сказать, что, насколько я знаю, такая методика не создана и поныне. Почему — я не знаю, предположений можно строить много. В России всегда с идеями было лучше, чем с технологиями их реализации. Мой вклад в эту копилку предположений, вынесенный из семинаров и участия в ОДИ: это было больше похоже на мастер-класс какого-то большого артиста, чем на системное знание ученого. Недаром это так и называется — «игра». О школах великих тренеров или режиссеров существует много концепций, воспоминаний, интерпретаций, но нет того, что сейчас называется модным словом «коучинг»: «Обучим системе А. Эфроса за два месяца. Сертификат международного образца». По отношению к учению Щедровицкого это звучит так же нелепо. Нужна какая-то особая атмосфера замороженности авторитетом, чтобы вынуть неделю из своей жизни и действовать по сценарию другого человека.

«Участник ОДИ сам создает для себя необходимые знания в процессе игры и переживает собственные мучительные поиски, напряжение, открытия. В процессе ОДИ участник попадает в кризисы и выкарабкивается из них, натывается на непонимание и невозможность донести свою мысль, и вынужден найти, открыть для себя новые выразительные средства и новые для себя способы общения. По окончании игры участник уносит с собой новые открытия и новые возможности» (Сонин В. А., Шлионский Л. М., Классики мировой психологии. Биографический энциклопедический словарь, СПб, «Речь», 2001 г., с. 264–265.).

ОДИ — это не та традиционная «линейная» наука, которой мы все занимаемся. Это какая-то Синяя птица, гипертекст, который ты пытаешься схватить, собрать все «пёрышки», сформулировать свои рефлексии, и делать это нужно, не отрываясь на детей, сон, еду, походы по магазинам и пр. Недаром Георгий Петрович проводил игры в пансионатах, гостиницах, вдали от «цивилизации». Насколько я знаю, одна игра занимала около недели. Участвуют в ней человек двадцать. Так что ОДИ — очень дорогое удовольствие. Наверное, их нужно проводить для того, чтобы решить какую-то жизненно важную проблему, актуальную для большого числа людей. Например, сформулировать русскую национальную идею. В этом деле очень важно было то, что организация такой игры предполагает, с одной стороны, достаточную квалификацию участников, а с другой стороны — нивелирование статусов и, соответственно, их влияния на результат.

На первых же семинарах я поняла, что на здравом смысле здесь не проедешь. Нужны глубокие знания в разных областях, требующих базового образования: семиотике, логике, философии науки. На это нужно было положить жизнь, но я не была к этому готова. Как мне кажется, единственным человеком, соразмерным по

таланту и глубине образования (из тех, кого мне доводилось встречать на семинарах Щедровицкого), был Олег Игоревич Генисаретский. Но он не посвятил свою жизнь организационно-деятельностным играм.

Помимо мэтров, на семинары Щедровицкого приходили мальчики и девочки, которые довольно быстро научились щебетать на «похожем» языке. Выделялся среди них Юрий Громыко, очень образованный молодой человек, впоследствии доктор психологических наук, посвятивший немало работ концепции мыследеятельности. Интернет говорит, что он — директор института опережающих исследований им. Евгения Шифферса. Институт, как следует из его сайта, занимается разработкой проектов развития в традициях методологического кружка (ММК) Г. П. Щедровицкого. Значит, Юрий Вячеславович смог превратить учение Щедровицкого в практику, за что ему честь и хвала. Вот такой мой ответ на вопрос о Щедровицком. Короткий, если учитывать масштаб феномена. Но я в своей профессиональной биографии прошла по его краю и, убоявшись, отошла.

Я как-то стремительно проскочила мимо того момента, когда нужно было начинать рассказывать о других замечательных людях, с которыми я (в отличие от единомышленников Щедровицкого) начала сотрудничать примерно в это время (наверное, в 1980 г.) и это сотрудничество (в разных формах) и дружба продолжались всю оставшуюся жизнь. Эти замечательные люди работали в замечательном месте — в Отделе научного коммунизма ИНИОН, которым руководил Яков Михайлович Бергер. Он умер в этом, 2017 году, 1 января. В последние годы я его иногда встречала, когда он, уже старенький, с палочкой, ходил с работы мимо детской площадки в Новых Черемушках, где я выгуливала своего внука, и мы немного говорили с ним о текущем моменте и об общих знакомых.

А всё получилось так. Здание ИНИОНа на Профсоюзной — место, куда я всегда приходила с хорошим настроением. Радовало и небо в удивительных, круглых потолочных окнах, и уютные столы в небольших кабинетах с книжками в открытом доступе, и, конечно, то обстоятельство, что там почти всегда можно было кого-то встретить, обсудить последние новости, поделиться планами и проблемами. Так однажды я встретила там Вику Чаликову, с которой к тому времени была уже знакома благодаря Ларисе Бельцер-Лисюткиной, моей школьной подруге. Вика, как всегда, стремительно шла своей легкой походкой вглубь здания, в какие-то кладовые Али-бабы. Я ей сказала, что Ольшанский поручил мне написать большой обзор о проблеме потребления алкоголя в СССР. Вика почему-то очень оживилась, и повела меня с собой в комнату в конце коридора, которая, действительно, оказалась настоящей сокровищницей. Это был зал новых поступлений. Она мне предложила читать книги в этом зале и попробовать написать обзор не только на свою основную работу, но и для публикации в сборнике ИНИОНа. За эту работу даже платят гонорары. Это было классно. Читать новые книжки, не дожидаясь их оформления в фонды, и даже получать за это деньги. Я, конечно, согласилась. И написала большой обзор, листа на два. Я очень старалась, потому что это была моя первая настоящая работа, которую должны были оценить строгий начальник и квалифицированная редакция, сотрудники отдела, которые этот обзор брались издать.

Концепция работы, конечно, принадлежала Вадиму Борисовичу: потребление алкоголя имеет три уровня детерминаций: социетальный, социально-психологический, психологический. Социетальный уровень — это право, экономика, рынок и оплата труда (если на премию можно купить машину, человек её купит, и не будет

пить — потому что за рулём, — а если ему выдали три рубля, он купит бутылку и плавленый сырок на закуску). Но была ещё и экономика, и статистика правонарушений, связанных с потреблением алкоголя, и динамика продажи сахара в зависимости от цен на водку, и сравнительное потребление в динамике водки и вина при разных ценах, и смерти и заболевания от алкоголизма в зависимости от алкогольной политики государства. Социально-психологический уровень — это те самые неформальные нормы, которые мы изучали и которые оправдывали или осуждали употребление алкоголя в зависимости от разных жизненных обстоятельств. Психологический уровень — это личностные особенности, диагностика зависимости, способы коррекции. В общем, читать было что. Концы с концами не сходились, было огромное количество всяких заполошных агиток, но дело шло, хоть и со скрипом. В общем, я написала этот обзор, его похвалили на заседании редколлегии отдела научного коммунизма, приняли к печати, и я стала полноправным внештатным референтом. Этот обзор не сохранился, наверное, уже нигде, потому что ИНИОН сторел, и я хожу мимо, и каждый раз горюю, как при виде родного пепелища.

Позже я осознала все преимущества статуса внештатного референта. Помимо прибавки к зарплате и возможности читать новые книги, я смогла участвовать в обсуждениях на редколлегии, когда обсуждались мои работы, и, конечно, это была хорошая школа. Я познакомилась со многими замечательными людьми, а через них — с другими замечательными людьми, а потом — с теми людьми, с которыми познакомилась ещё в студенческие годы, а потом как-то раззнакомилась.

Я писала довольно много для Леонида Волкова — какие-то обзоры по трудовым отношениям. Он тогда был очень увлечен концепцией запаздывающей модернизации и затачивал меня на то, чтобы я искала симптомы этой самой запаздывающей модернизации. Эта концепция в довольно детальном изложении Волкова тоже была издана в сборнике обзоров, который сохранился в моей библиотеке. Сейчас эта концепция вызывает у меня много сомнений, но тогда она казалась очень важным инструментом для анализа российских реалий.

Для замечательной, утонченной и деликатной Инны Феликсовны Рековской писала большие тексты по проблемам молодежи, в том числе и по девиантному поведению. Так что к Борису Михайловичу Левину в Институт Социологии я пришла не с пустыми руками, а с солидным «приданным».

Сборники обзоров и рефератов, которые выпускал этот отдел, быстро становились библиографической редкостью. Особенной популярностью пользовались обзоры из рубрики «Общий кризис капитализма», потому что там в компактной и культурной форме излагались модные западноевропейские концепции общественного развития. Многие трепетно собирали всё, что писала Вика Чаликова. Эти сборники распространялись по подписке, в учреждения и многие к тому же имели гриф «для служебного пользования». Я не знаю, читали ли эти сборники те, кому они предназначались «по службе». Скорее всего, нет. В отделе это понимали и не хотели работать «в корзину». Поэтому придумали такое: помогать распространителям, составляя списки хороших людей, имеющих статус, приличествующий серьезности издания. Идея была стоящая, но беда в том, что многие хорошие люди подчас теряли (или не имели вовсе) приличествующий для включения в такие списки статус. Как-то выкручивались. У меня был подходящий статус. Поэтому я подчас делилась положенными сборниками с хорошими людьми.

Эти сборники были так популярны по многим причинам. Во-первых, они действительно выполняли ту функцию, для которой были предназначены: ориентировали исследователей в потоке специальной литературы, как отечественной, так и зарубежной. Во-вторых, эти сборники были, большей частью, действительно культурологической литературой высокого класса. В третьих, большей частью это были оригинальные аналитические тексты, в которых неизбежно шла речь о социальных проблемах и предлагаемых рецептах их решения. Попался мне под руку сохранившийся чудом в домашней библиотеке сборник с моим обзором «Молодежь в современном мире». Материалы для него я привезла из Бонна, с конференции, которую проводил институт им. Г. Штресермана в 1991 г. Естественно, что где-то ещё узнать об этой конференции и о том, что там говорилось, в безинтернетное время было невозможно. А речь там шла о материях, которые даже сейчас остаются актуальными. Например, о желании молодежи открывать для себя мир, а не жить в национальных границах и, соответственно, об институциональных возможностях для того, чтобы удовлетворить эти желания; о симптомах национализма и социальной агрессии, угрожающих открытой Европе и возможностях «межкультурной учёбы» для снижения этих угроз; об «утечке мозгов» из менее благополучных стран – в более благополучные; и многом другом.

Когда в ИНИОНе появились первые компьютеры, я стала их осваивать. В этом мне помогал Леонид Борисович Волков, который уже научился с ними обращаться – институтское начальство организовало специальные курсы для сотрудников. У нас троих (Вика, Волков и я) возникла идея: в подарок Георгию Борисовичу Фёдорову сделать «как настоящую» его книгу «Брусчатка», о которой мы были уверены, что её никогда не издадут, и подарить ему на день рождения. Тот экземпляр, который читали все друзья, знакомые, и знакомые знакомых уже истрепался вконец. Я сидела там, где размещался генеральный каталог, тыкала пальцами в клавиши, перепечатывая слепой машинописный текст, и ловила пробежавшего туда-сюда Волкова, чтобы он помогал мне справляться с трудностями. Книжку мы общими усилиями перепечатали, переплели. Через несколько лет «Брусчатка» вышла большим тиражом, (http://modernlib.ru/books/fedorov_georgiy/bruschatka/read_1/) но тот экземпляр, возможно, уцелел.

Волкову вскоре стало не до науки, он с головой окунулся в политику. Я ещё выступала на собраниях избирателей в качестве его доверенного лица, но когда он стал депутатом, окончательно перестала с ним видеться, потому что мы пошли разными, хотя и параллельными (до некоторой степени) дорогами.

С Людмилой Михайловной Алексеевой, работавшей в этом отделе, мне не пришлось познакомиться. Её выслали из страны раньше, в 1977 г. (об этом упоминает Рената Гальцева http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/7/10g-pr.html). Но когда Людмила Михайловна вернулась, мне пришлось общаться с ней довольно регулярно, потому что она где-то в 1993 (?) году предложила Бергеру работать в Русско-Американском Фонде профсоюзных исследований. Но это – другая история.

А мне, если возвращаться к «анкетной» линии биографии, надо сказать, что в 1987 году я перешла на работу в Институт социологии РАН на должность старшего научного сотрудника. Но для профессиональной биографии важнее было то, что началась перестройка и гласность, а вместе с ними другие бурные события в моей жизни, которые сейчас вызывают чувства недоумения, сокрушенности, горести. У меня нет никаких «духоподъемных» эмоций, связанных с тем, что я была «очевидцем, свиде-

телем», «участником» этих событий. Напротив. Сейчас я вижу, что планы социальных преобразований, которые на многочисленных семинарах выглядели такими разумными, обоснованными, привлекательными, вылились в годы бедствий.

Время перестройки для меня – это бурная семинарская жизнь. Семинары регулярно проводились везде, где я обычно бывала. Я думаю, что и собственно идеология перестройки в разных сегментах жизни апробировалась и пропагандировалась на этих семинарах. У Л. А. Гордона в ИМЭМО речь шла, естественно, о рабочем движении, о том, какие группы рабочих могли бы быть движущей силой социальных преобразований. Именно на семинарах у Гордона (наверное, это были 1989–1991 гг) я узнавала подробности о забастовках шахтеров Междуреченска, о создании Совета рабочих комитетов Кузбасса. Кажется, именно у Гордона впервые я увидела легендарного лидера горняков Александра Андреевича Сергеева.

В ИНИОНе, в других местах проводила семинары по межнациональным отношениям Галина Старовойтова. Здесь было много обескураживающих меня моментов. В частности, обескураживал конфликтный накал, гораздо более сильный, чем, скажем, на семинарах Гордона. Причины такого накала были понятны. Из Карабаха, из Тбилиси, из Риги приезжали очевидцы и рассказывали об известных сейчас всем событиях. Таким образом, эти семинары становились уже не академически-аналитическими собраниями специалистов, а трибуной для выражения гражданской позиции.

Не всегда то, что предлагалось, совпадало с моими представлениями о должном ходе событий и с моими знаниями. Но я не была уверена в своей компетентности. Я очень хорошо помню, например, обсуждения планов «ропуска» Советского союза на семинарах, посвященных межнациональным отношениям. Обсуждались варианты роспуска «по существующим административным границам» и по тем, что «исторически принадлежали тому или иному народу». В тех книгах, по которым я готовила обзоры для ИНИОНа, предлагался другой вариант, предполагавший проведение локальных референдумов, определения границ и согласования интересов. Он отвергался по причинам трудоёмкости, дороговизны, больших затрат времени. А идея была в том, что всё нужно делать быстро. Последующие события показали, что быстрота не избавила процесс «развода» от кровопролития. Но кто это предвидел? Мне было ясно, что этот развод неизбежен, потому что антисоюзные (и антирусские) настроения возникали в обыденных ситуациях совершенно неожиданно. В конце восьмидесятых мой сын Ваня служил в Самарканде. И я к нему ездила повидаться. Было не страшно ходить по рынку, сидеть в чайхане, разговаривать с местными. Но вдруг удивлял вопрос пожилого узбека: «А почему это русские у нас в Узбекистане не работают на хлопковых полях?». Мой растерянный ответ: «наверное, потому что они работают на гидростанциях и на заводах» оказывался «мимо дела». «Хлопок выращивать тяжело, а на заводе работать легко». И чтобы окончательно меня победить: «Если бы мы сами продавали свой хлопок, мы были бы очень богатыми». В 89–90 г. я и Вика Чаликова написали большой обзор «Национальные отношения: процесс осмысления в науке и в общественном сознании» (<http://chalikova.ru/stati-i-esse.html>). Я его перечитала. К сожалению, многие соображения остаются актуальными и сегодня. Там, в частности, речь шла о том, что национализм, рост национального самосознания приходит на смену интернационализму тогда, когда, казалось бы, он должен выглядеть архаикой: в эпоху глобализации.

Подчас воздерживаться от критики в адрес участников дискуссий даже в случае несогласия я предпочитала, потому что идеологию и настроения перестройки создавали «свои», очень близкие люди, почти семья. Я очень хорошо помню своё смятение по поводу потрясающе талантливого открытого письма Вики Чаликовой Горбачёву, опубликованного в «Огоньке» (<http://chalikova.ru/otkryitoe-pismo-mixailu-gorbachevu.html>). Она просила Президента уйти в отставку по нравственным соображениям. Это, как она считала, могло привести к демократическому возрождению страны, а Горбачеву давало возможность остаться в благодарной памяти потомков великим реформатором. У меня не было возражений, у меня было именно смятение сродни гамлетовскому: «Не лучше ли смириться со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться?». Да, она ошиблась, уповая на благодарную память соотечественников и на то, что социальные конфликты не будут обостряться, если Горбачёв уйдёт. Но она сказала своё слово. Изменилось бы что-нибудь, если бы Вика не написала того письма? Скорее всего, нет. Изменилось бы что-нибудь, если бы я была настолько уверена в своей правоте, что стала бы отговаривать её выступать на стороне тех, кто хотел отставки Горбачева? Тоже, скорее всего, нет.

Все «горячие» события, а также всякие «преобразовательные» планы обсуждались и на заседаниях клуба «Московская трибуна». Клуб, хотя и был «дискуссионным», задавал нормы — интерпретаций и оценок; позиционировал московских интеллектуалов либерального толка относительно уже довольно пёстрого в то время политического пространства. Было интересно, а потом — странно следить за идейно-политическими трансформациями активных членов клуба. Клуб просуществовал, наверное, года два-три, примерно с 1988 г. по 1990-й или 1991. Потом члены клуба нашли себя в новой России.

Деятельность, за которую мне и сегодня не стыдно, и которая не вызывает у меня сожалений — это моя работа в Фонде, поддерживавшем свободные профсоюзы (РАФ-ПРОФИО). Этот фонд был создан при поддержке объединения американских профсоюзов АФТ-КПП. Это была толковая работа. Главную помощь новым профсоюзам оказывали, конечно, юристы. В это время (1995 г.) Дума приняла относительно либеральный (по сравнению с предыдущими и последующими) закон, дающий сравнительно широкие права профсоюзам. Стало можно каждому профсоюзу заключать коллективный договор для своих членов и тех, кто письменно заявил о поддержке профсоюза. К сожалению, эти новшества продержались недолго. Уже в Трудовом Кодексе 2001 года эти права были сильно урезаны. Урезались они и позже. Но осталась от тех времен сильное профсоюзное объединение — Конфедерация Труда России. А тогда это были разрозненные группы людей, которые хотели, чтобы было лучше, но не знали как. Сотрудники Фонда помогали лидерам альтернативных профсоюзов обмениваться информацией, организовывать съезды, находили для консультаций специалистов высокой квалификации — юристов и экономистов. Информационно-аналитическая служба, в которой я работала, не сидела без дела. Мы должны были постоянно в то безинтернетное время оповещать профсоюзников большой страны о том, где что происходит. Сейчас мне важно то, что я была свидетелем и участником этих событий. Мы регулярно издавали три вида сборников о деятельности альтернативных (свободных) профсоюзов: сборник аналитических материалов, регулярный журнал и отдельный сборник, который назывался «Из писем в Фонд». Издавали

и консультации юридической службы. Все эти издания, как положено, мы посылали во все российские библиотеки. Сохранились ли они где-то? Не знаю. Во всяком случае, в ИНИОНе – вряд ли.

Да, Ваши перестроечные годы были очень насыщенными. Можно ли сказать, что с приходом в Институт В. А. Ядова начался новый период Вашей профессиональной жизни? Если это так, какой проблематикой Вы начали заниматься и как она менялась? Или ничего особо нового не произошло?

Приход в Институт социологии Владимира Александровича Ядова – это новый этап жизни не только для меня, но и для всех сотрудников. Радикальным образом изменились отношения между людьми. Они стали более открытыми и творческими. К Владимиру Александровичу, который занял маленькую комнату там, где сейчас кабинет Ученого секретаря, и сидел там большей частью за боковым столом, можно было заходить в любое время, обсуждать не только административные, но и любые другие дела, которые, как казалось посетителю, требовали его участия. И его участие всегда было содержательным и заинтересованным. Его спасало для занятий наукой, пожалуй, только то, что он быстро вникал в суть дела, быстро принимал решения и быстро находил, кому это дело поручить. К его 80-летию вышла книга «Vivat Ядов!», в которой его друзья и сотрудники написали очень много важного и интересного о нём. К сожалению, её нет в интернете, хотя спрос на такую публикацию, насколько мне известно, есть.

Я могу лишь рассказать, как приход Ядова в институт изменил мою профессиональную биографию. Когда в институт пришел директорствовать Владимир Александрович Ядов, моё участие в деятельности свободных профсоюзов замечательным образом совпало с моими профессиональными задачами и интересами. Он стал директором-организатором института в 1988 году. Через некоторое время он объявил в институте «Юрьев день»: кто хотел, мог перейти в любое подразделение или организовать своё (группу, отдел, лабораторию) – название тогда не устоялось. Одновременно он решил, что ему нужно знать сотрудников института. И предложил всем, кто хочет, дать ему для прочтения любой свой текст. Сейчас я совсем не помню, какой текст я ему принесла, и почему это сделала. Помню только, что текст был короткий и не имел отношения к проблемам алкоголизма, которыми я, по идее, должна была заниматься, но совсем не занималась, во-первых, потому что общественная жизнь бурлила, а во-вторых, потому что к этому времени Борис Михайлович уже уехал в Америку и его подопечные как-то приуныли. Я даже не была уверена в том, что Ядов обратит внимание на мой текст.

Это потом я узнала, что он читает все диссертации, курсовые, дипломы; все статьи, которые положено читать ему как члену многочисленных редколлегий и учёных советов; все книжки, которые коллеги просят прочесть и сказать, что он думает по этому поводу. Он читал всё и всегда, почти до последних дней, и всегда его мнение было нетривиальным, глубоким, заинтересованным и деликатным, несмотря на то, что он, казалось, не стеснялся в выражениях.

Не прошло и трех дней, как Ядов позвал меня к себе, сказал, что текст ему понравился, что он создаёт отдел под свои научные интересы и предложил мне перейти в этот отдел. Не то чтобы я удивилась. К тому времени у меня уже было всё в порядке с самооценкой благодаря ИНИОНу. Но я обрадовалась, потому что у меня появились привлекательные профессиональные перспективы.

Первый проект (1991–1993 годы) под руководством В. А. Ядова был посвящен идентичности. В рамках этого исследования я сделала работу, посвященную представлениям россиян стратегиях успеха во времена перемен. Я предложила использовать повторно методику Ольшанского и Владимир Александрович охотно согласился с этой идеей. Для того, чтобы её реализовать, я постаралась сформировать сопоставимую выборку. Отобрали из массива 1980–1983 годов анкеты 139 человек и по тем же основным параметрам (социальный статус, образование, возраст) опросили столько же народу. Тогда удалось зафиксировать рост разобщенности, неуверенности, диффузной агрессивности, индивидуализма. Весьма нетривиальные результаты получили и мои коллеги (Данилова Е. Н., Игитханян Е. Д., Черныш М. Ф., Климова С. Г., Козырева П. М., Козырев Ю.Н., Козлова Т. З. Социальная идентификация личности – 2. Книга 1. – М.: Институт социологии РАН, 1994. – 154 с.).

Идею изучать солидарное сознание и солидарное поведение рабочих я предложила с учетом того обстоятельства, что я общаюсь с рабочими лидерами, и не «паркетными» функционерами, а с самыми настоящими, «от станка». Коллеги согласились с этим предложением. Эта работа началась в 1995 году. К этому времени в моём распоряжении было уже довольно много оригинальных текстов, отражающих аутентичный стиль мышления и лексику, связанную с коллективистскими ценностями. Я выписала из писем, заметок рабочих корреспондентов фразы, имеющие отношение к нашей теме, принесла в институт. Дальше началась кропотливая работа по их шлифовке.

Разница между фразой, написанной, к примеру, шахтером и «народной» фразой, вошедшей в анкету, ещё больше, чем между народностью подлинного письма деревенского жителя и народностью такого письма, воспроизведенного в повести, скажем, Виктора Астафьева. Фраза должна быть короткой, однозначной, отражающей суть того феномена, который мы намерены изучить. Вместе с тем, она должна содержать лексику и стиль мышления, свойственный «человеку с улицы», а не «человеку из кабинета».

Мы все сидели за общим столом в зале заседаний на третьем этаже и подолгу толковали эти фразы так и эдак, чтобы получить окончательный вариант и включить его в анкету. Самую первую фразу, с которой надо было согласиться либо нет, – «Если администрация использует своё положение как кормушку, понастроили дач, купили «мерседесов», то не грех поджечь к чертовой матери их дачи и машины», – отстоял почти в аутентичном виде Владимир Александрович. Он не захотел расстаться даже с «чертовой матерью», несмотря на наше общее стремление к краткости. Видимо, эта отсылка соответствовала его темпераменту и задавала разговорный тон на всю последующую серию утверждений.

В этой работе активно участвовал Александр Кузьмич Мещеркин. (http://www.socioprognoz.ru/hta_9/Publications/tom_8_1_14.pdf). Очень жаль, что он умер совсем молодым. Его книгу о свободных профсоюзах я с его вдовой Еленой Юрьевной Рождественской успели издать уже в последние дни существования РАФ ПРОФИО за счет этого фонда. Надеюсь, что она где-то существует. Но ссылок на неё в интернете я не нашла. Очень важная книга. Мне кажется, что для Саши, так же, как и для меня, участие в этом Ядовском проекте было интересно не только профессионально, но и лично. Это была попытка отдать наш долг людям, которые, в отличие от нас, не могли рассказать о себе. Результатом нашей общей работы стала книга

«Солидаризация в рабочей среде» (1998 г.). В ней нет текста Александра Кузьмича Мещеркина; из-за болезни он не смог его сделать. Но, я полагаю, о его участии нужно помнить.

В 1998 году началась работа над проектом «Россияне и поляки на рубеже веков», которая началась со знакомства Владимира Александровича с Кшиштофом Косэлой, учеником Стефана Новака, деканом факультета социологии Варшавского университета. Работа над этим проектом продолжалась несколько лет. В 2002 году было повторное исследование в обеих странах. Работа закончилась изданием книги (http://www.isras.ru/files/File/Publication/Rossiyane_polyaki_Danilova.pdf) в 2006 году.

Некоторые важные выводы из исследования: 1. В Польше, в отличие от России, в переходный период сохранилось влияние прежних институтов, и, в первую очередь, католической церкви. Это позволило людям не переопределять свою культурную идентичность, сохранить высокую моральную самооценку, быстрее адаптироваться к переменам, сделало переход в целом менее травматичным. В России крах институтов привел к «схлопыванию» идентичностей, сведению их к первичным (семья) формам; либо вообще к потере ориентации в социальном пространстве; к моральному кризису, самоощущению «проигравших». 2. В России в переходный период становятся более востребованными для адаптации на рынке труда исчерпаемые ресурсы (здоровье, молодость). В Польше самые востребованные – неисчерпаемые ресурсы: образование, квалификация. 3. Общее в обеих странах то, что на период второго исследования (2002 г.) ещё не завершился трансформационный переход. Соответственно, не сложились новые социально-профессиональные идентичности (наёмные работники, предприниматели, сельские производители).

Закончилась работа над проектом, но не закончилось взаимное доброе отношение и всякие формальные и неформальные контакты. А начиналось всё не безоблачно. Наши польские коллеги, которые приехали в Москву для первого знакомства и обсуждения содержательных и формальных параметров проекта, были не только учеными, но и гражданскими активистами, участвующими в движении сопротивления коммунистическому режиму. Поэтому контакты с нами были интересны им в профессиональном плане, но вряд ли предполагали личное доброе отношение. Но первая настороженность в первый же день исчезла. И мы, и они поняли, что нам можно не только работать вместе, но и дружить. И, конечно, такое понимание пришло во многом благодаря необыкновенному личному обаянию Владимира Александровича. Очень быстро стало ясно, что мы можем говорить на одном и том же профессиональном языке, понимать друг друга, находить взаимоприемлемые концептуальные и методические решения. А также рассказывать и понимать польские и русские анекдоты, веселиться, гулять вместе по Москве и Варшаве, радоваться одним и тем же красотам, организовывать конференции, пить пиво, дарить друг другу маленькие подарки, рассказывать о семейных делах.

Новых дел, новых проектов, которые затевал Владимир Александрович, было удивительно много, как я сейчас обнаружила, листая папки своего компьютера. Нет никакой возможности все их упомянуть. Поэтому кратко расскажу ещё о двух, самых важных по результату. В 2001 году мы начали работу над проектом о трудовых отношениях в постсоветской России. Как всегда у Ядова, были задействованы самые разнообразные методики и вовлечены многие участники. В нашей стране это Б. Г. Тукумцев, В. Ю. Бочаров из Самары, сотрудники социологической лаборатории г. Владимира. Практики регулирования трудовых отношений и сотрудничества

работодателей с профсоюзами описывали Дж. ДеБарделебен из Карлтонского университета (Канада) и её коллеги. Тема исследования заинтересовала социолога из Германии Г. Найнхоффер и социолога из Франции Карин Клеман, которая к этому времени уже написала книгу о русских рабочих. Она наравне с нами ездила на заводы и чувствовала там себя вполне комфортно, если не считать того, что мёрзла ужасно. Её текст в общей книге — новаторский и очень интересный.

Книга «Становление трудовых отношений в постсоветской России» доступна читателям (<http://www.isras.ru/publ.html?id=243>). Поэтому я расскажу не о её содержании, а о том, как была организована работа. Всю работу «в поле» делали мы сами. Разговаривали на заводах с рабочими, начальниками, профсоюзными лидерами, просили заполнить анкеты и бланки тестов. Почти везде с нами был Владимир Александрович. У него были самые нетривиальные наблюдения, самые остроумные реплики респондентов. Наверное, потому что он удивительным образом был «своим» для заводчан. Мог свободно говорить об экономической политике правительства с директором завода и о несправедливых порядках с каким-нибудь токарем. Никакой фанаберии классика. Только иногда просил посидеть, подождать, пока пройдёт боль в ногах. В Москве, после обработки «своих» частей общего массива данных, устраивались регулярные обсуждения того или иного фрагмента. Каждая тема имела автора, но по ходу обсуждения все участники предлагали автору темы свои наблюдения и аналитические ходы. Поэтому книга, которая получилась в результате, была действительно коллективной монографией. В частности, в этой книге есть большая глава, посвященная анализу данных, полученных с помощью методики Хофштедта. Её написали Лена Данилова и Марина Тарарухина. Я об этом хочу упомянуть особо, потому что к результатам этого теста периодически возникает особый интерес в обществе за пределами профессионального круга. Иногда Хофштедт становится такой же модой как слово «менталитет». И, как всегда бывает, когда специальные знания попадают в массовую культуру, выводы становятся стереотипами, т.е. лишенными нюансов представлениями, противоречащими один другому. Наши коллеги написали культурный текст, соотнесённый с философией метода и контекстом. Вне того и другого, а также вне понимания того обстоятельства, что речь идёт не о национальной, а о корпоративной культуре, нельзя делать выводы о таких сложных социально-психологических феноменах, которые изучаются с помощью этой методики. Я где-то находила данные о том, что результаты этого теста на заводах одной корпорации (кажется, «Пепси» в Китае и в Европе) более похожи, чем результаты завода «Пепси» в Китае с другим китайским заводом в этом же городе.

Я в этом проекте занималась описанием ситуации на предприятии; анализировала новации трудового кодекса и данные опросов о разных стратегиях солидарности на обследованных предприятиях. Важно, как кажется, то, что нам удалось зафиксировать разнообразие переходных форм: сочетание стремления к универсальности правил трудовых отношений с уникальностью персонифицированных взаимодействий там, где нормы совсем не работали; стремление к мобилизации лояльности через активизацию доверия и появление практик, связанных с коммерческими тайнами; индивидуализированные правила и интерес к коллективному договору; инновационная активность, ориентированная на перспективу и короткие стратегии реагирования на сегодняшние вызовы; признание необходимости формального порядка и убеждение в его аморальности; убеждение в необходимости сотрудничества для достижения успеха и культивирование персональной внутрикорпоративной конкуренции.

А в целом это была хорошая работа, за которую не стыдно.

Ещё один проект, о котором, как мне кажется, стоит упомянуть, это учебно-научная работа совместно с преподавателями и со студентами Краснодарского и Нижегородского университетов. Студентам, которые захотели участвовать в проекте, предложили взять какие-то из наших методик и провести своё маленькое исследование, сравнить свои результаты с нашими, приехать в Москву в институт, сделать доклад. Многие с интересом включились в эту работу. В итоге получилась хорошая книжка, действительно коллективная монография, в написании которой участвовали студенты: «Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999–2002 гг.)». М.: Аспект-пресс, 2004. Она есть на сайте института. <http://www.isras.ru/publ.html?id=434>. С кафедрой социальной работы Нижегородского университета, которую возглавляет Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева, мы сотрудничаем до сих пор в разных формах.

Сейчас Владимира Александровича нет с нами, Как-то с трудом привыкаем к этому факту.

Света, одно из моих «открытий» заключается в обнаружении того, что профессия «социолог» сразу стала наследуемой. Так, в моей коллекции интервью с российскими социологами есть достаточное число бесед с родителями и детьми, теперь — даже с представителями трех поколений социологов. Если помните, в «логическом квадрате», использованном в «Человек и его работе» для определения отношения человека к его профессии, был вопрос о том, посоветует ли респондент своим детям избрать его профессию. Ваш сын — вполне успешный социолог, не вспомните ли Вы, как Иван выбирал свою будущую профессию? Вы советовали ему такой выбор или отговаривали? Чем Вы руководствовались в своем решении?

На этот вопрос тоже нельзя ответить односложно. Я в своей жизни встретила только одного подростка, который на мой дежурный вопрос: «Кем ты хочешь стать?», — ответил «социологом». На мой ошеломленный вопрос: «Почему?», — он ответил: «Чтобы знать, когда нужно линять из этой страны».

Мой сын, вполне в соответствии с подростковым возрастом, выбрал более романтическую профессию. Он хотел стать археологом. Конечно, этот выбор не был случайным. Мы бывали довольно часто в доме Георгия Борисовича Федорова, который известен в мировой археологии тем, что открыл и описал славянское племя тиверцев. Об этом племени до Фёдорова было известно лишь то, что было написано в «Повести временных лет»: что тиверцы «...седяху по Днестру и приседяху по Дунаю». Георгий Борисович нашел их города, поселения, описал быт и установил, когда и как они были уничтожены татаро-монголами. Его дом был полон всяких сокровищ, любезных сердцу подростка. Из-за болезни Георгий Борисович никуда не выезжал, даже в Москве бывал редко. Но он, как и его жена, Марианна Григорьевна Рошаль-Строева, были чрезвычайно гостеприимными и доброжелательными людьми. К ним постоянно приезжали совершенно удивительные люди, каждый достоин отдельной книги. И, в частности, бывали ученики Фёдорова — сотрудники Кишиневского института археологии. Один из них, Георге Чеботару, и пригласил нас с Ваней приехать в экспедицию. А я как раз мучительно размышляла, что делать с мальчиком на каникулах: для пионерлагеря он уже великоват, да и не хочет он в пионерлагерь.

Кажется, в это время он перешел в седьмой класс. Болтаться без дела у бабушки с бабушкой тоже неладно. Так что археологическая экспедиция была самым оптимальным решением. Я решила, что буду помогать на кухне.

Так мы оказались в маленькой молдавской деревне Ханск, где как раз шли раскопки тиверского поселения, и где Ваню сразу приставили к делу: он должен был очищать от грязи и пересчитывать обломки домницы. Моё представление о кухне, где я должна найти своё место в экспедиции, было сразу же посрамлено тем фактом, что еду, прежде чем приготовить, надо было как-то добыть. Источников еды было четыре. Первый – местный магазин, в который через день привозили хлеб, и больше ничего там не было. Главной задачей было удержаться в очереди, чтобы не вытолкнули и не сбили с ног. Второй – местный пруд, в котором всё поселение ловило рыбу для прокорма. Вылов был таким интенсивным, что рыба не успевала вырастать, жарить приходилось почти что мальков. Ловлей рыбы для кухонных нужд тоже занимался Ваня вместе с другими парнями из экспедиции. Третий источник еды – соседи. Но у них было только вино. Так что наш ужин часто состоял из хлеба и вина. И четвертый, самый главный – закрома Чечилии, хозяйки дома, который снимали для нужд экспедиции. У неё стоял мешок кукурузной муки, из которой она варила мамалыгу, и был хилый огородик, на котором она иногда собирала овощи для борща. Да, и ещё были поля колхоза, на которых рос виноград и груши. Груши ещё не созрели, поэтому они шли, в основном, на прокорм хозяйскому поросёнку, да и то не всегда, а когда он, озверев от голода, вырывался из своего закутка и мчался по деревне. А за ним бежал Дамиан, муж Чечилии и все парни из экспедиции, такие же поджарые, как этот поросёнок. Когда его водворяли обратно в узилище, Дамиан садился на свой дряхлый велосипед и ехал в колхозный сад за грушами, чтобы как-то утешить своего питомца.

Так что моя роль в экспедиции сводилась, в основном, к тому, чтобы быть собеседницей Чечилии, которая варила мамалыгу в большом казане и жаловалась мне на нищету, на непутёвого мужа, на то, что нет детей. Она не знала ни слова по-русски, но это не мешало нам поддерживать многочасовые беседы.

Осенью Ваня сделал доклад Георгию Борисовичу и его гостям о том, как плавил железо в домонгольских славянских племенах с описанием той самой домницы.

Потом Ваня пошел в археологический кружок при Историческом музее и участвовал в раскопках Зарядья под руководством Александра Григорьевича Векслера, который тогда возглавлял отдел археологии в Музее истории Москвы. Было ещё много экспедиций в разных местах, но это – другая история.

На исторический факультет он не прошел по конкурсу, и отправился в армию. А когда вернулся, решил, что заниматься социологией ему больше нравится, и потому поступил на открывшийся незадолго до этого социологический факультет МГУ. Это был 1990–1991 годы – социальные потрясения были настолько волнующими, что разом побледнела вся романтика археологии. Так что профессию он выбрал сам, но, конечно, не без влияния моих занятий, не без участия моих друзей и коллег. Вика Чаликова, в частности, провела с ним несколько занятий о Пушкине. После этого Ваня полюбил «Евгения Онегина» и часто его перечитывал.

Я его, конечно, не отговаривала от поступления на социологический факультет. Достаточно было того, что я испытывала чувство вины перед ним, потому что способствовала тому, чтобы он тратил время на занятия археологией, что, как оказалось впоследствии, было совершенно непрактичным.

Ваня стал хорошим социологом. На мой взгляд, помимо работ по теориям мобилизации, он сделал ещё одно доброе дело для отечественной социологии: разработал методологию социологических экспедиций, когда работал в Фонде «Общественное мнение». Но об этом пусть он сам рассказывает.